

1. Шведова Н. Ю. Глагол как доминанта в системе русской лексики // Н. Ю. Шведова / Русский язык: Избранные работы. — М., 2005. — С. 391—396.

А. І. Швець

ДІАЛЕКТНІ ЛЕКСИЧНІ ВІДМІННОСТІ ЯК МАРКЕРИ КУЛЬТУРНИХ ПРОЦЕСІВ (на матеріалі російських говірок Одеської області)

У статті аналізується діалектна дієслівна лексика, що належить російським переселенським говіркам Одеської області. Проводиться ареалогічний принцип вивчення говірок із виділенням протиставних і непротиставних явищ, що дає змогу описати характер відмінностей між діалектними системами на лексичному рівні. Увага зосереджена на діалектних відмінностях дієслівної лексики, що зумовлені позамовними факторами.

Ключові слова: переселенські ідіоми, діалектна дієслівна лексика, ареальна опозитивність, діалектні лексичні відмінності, вербалізація культурних процесів.

A. I. Shvets

DIALECTAL LEXICAL DIFFERENCES AS MARKERS OF CULTURAL PROCESSES (on material of russian dialects of the Odessa region)

The article deals with the verbal basic vocabulary in the Russian migrant dialects of Odessa region. The author uses the principle of areal study of the dialects with the emphasizing of linguistic phenomena opposition. The attention is focused on dialect differences of verbs caused by extralinguistic factors.

Key words: migrant idioms, dialectal verbal lexicon, dialectal opposition, dialectal lexical differences, verbal reflection of cultural processes.

УДК 811.161.1'282(477.74)

Л. Ф. БАРАННИК

ТРАДИЦИОННАЯ ЮЖНОРУССКАЯ ЛЕКСИКА ПРИДУНАЙСКИХ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ГОВОРОВ ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ

В статье анализируется традиционная южнорусская лексика старообрядческих говоров Придунавья, определяется её семантика, этимология, «материнская» территориальная принадлежность.

Ключевые слова: русская диалектная лексика, островные старообрядческие говоры, диалектные лексические архаизмы.

Одесская область, как и вся южная Украина, — пёстрая в этническом отношении территория, что объясняется особенностями заселения этого края. В настоящее время при явном преобладании украинцев здесь живут русские, болгары, молдаване, гагаузы и представители других народов, основные этнические массивы которых находятся за пределами Украины. Русские проживают на территории Одесской области компактно, составляя отдельные селения или группу селений, сходных по своим диалектным чертам. Основная (традиционная) диалектная лексика русских переселенческих говоров Одесской области относится к типично южнорусской и наиболее близка к лексике курско-орловской и донской. Русская национально-культурная специфика сохранилась в различных тематических и лексико-семантических группах словарного состава русских островных говоров, несмотря на почти 200-летнее существование в отрыве от основного языкового и материнского диалектного массива в полиязычном окружении.

Несомненно, исследование языка, материальной и духовной культуры сельских жителей, носителей русских говоров, в наши дни особенно актуально, так как в условиях урбанизации, промышленного развития и экономического кризиса ошутима острая необходимость и потребность в сохранении, изучении и переосмыслении богатого наследия традиционной народной культуры, базовой основы всякого национального возрождения. Язык и культура, язык и дух народа, язык и история неотделимы друг от друга. Жизнь каждого общества, каждого народа отражается в его языке. «Народ выражает себя всего полнее и вернее в языке своём», — подчёркивал И. И. Срезневский ещё в 1848 году [20: 17]. Этнические, социальные, культурные, исторические, национальные особенности передаются непосредственно, чётко, ярко и объёмно прежде всего в лексике, ибо лексика — система открытая, подвижная, отражающая жизнь её носителей, раскрывающая взаимообусловленность языка и культуры народа, запечатленную в

слове. Значение слова сопровождают коннотации, которые связывают слово с жизнью, бытом, менталитетом определённого языкового коллектива. Так возникает национальная специфика языков и диалектов и связанное с ней своеобразие формы выражения мысли, словесного искусства. В слове отражается и материальная, и духовная жизнь народа. А. А. Брагина отмечает: «Самая, казалось бы, очевидная связь языка с внешним миром — это «слово-вещь». Однако и в таких простых отношениях запечатлеваются история и жизнь народа во всем многообразии» [2: 11].

Значительный семантико-ментальный потенциал слов, характеризующих жизнь народа, заложен в обрядовой лексике, в тематических группах обозначений предметов материальной культуры: одежды, обуви, головных уборов, украшений, пищи, домашней утвари. Именно эта лексика русских островных говоров Одесской области передаёт национально-культурную специфику её носителей — потомков русских переселенцев из центральных и южных губерний России. И в наше время, несмотря на долговременное существование в отрыве от метрополии в разноязычном (разнодиалектном) окружении, традиционная духовная и материальная культура русских переселенцев продолжает обнаруживать устойчивость своего этнического своеобразия. Стойко удерживается фонетико-морфологическая и лексическая основа русских говоров, сохраняются традиционные народные обряды, русский фольклор: сказки, пословицы, поговорки, прибаутки. Элементы русской культурной специфики ярко проявляются в интерьере современного жилища, его терминологии, в свадебных обрядах, типичных в своей основе для южных районов России, в старинных видах одежды, в наименованиях пищи, предметов домашнего обихода. Все явления духовной и материальной культуры, жизненного уклада, повседневного быта находят отражение в русской диалектной лексике.

Одним из ярких элементов материальной культуры является одежда. Наша цель — проанализировать традиционные наименования женской одежды в русских старообрядческих говорах Одесской области. Основная цель исследования определила ряд конкретных задач: 1) дать общую характеристику семантического поля «Одежда»; 2) определить территориальную принадлежность исследуемого лексем, выявить их семантику; 3) по возможности, проследить исторический путь, этимологию, словообразование наименований женской одежды; 4) установить степень иноязычного влияния, выявить заимствованные названия одежды в старообрядческих говорах.

Материалом для статьи послужили записи живой диалектной речи, сделанные автором и студентами филологического факультета Одесского национального университета им. И. И. Мечникова во время диалектологических экспедиций в старообрядческие села Придунавья: Старую Некрасовку, Новую Некрасовку, Муравлёвку Измаильского района, Мирное, Васильевку, Приморское Килийского района, в г. Вилково.

Семантическое поле «Одежда» является многочисленным и разнообразным по своему составу, сложным по объёму и характеру структурно-семантических связей. Оно тесно связано с экстралингвистическими факторами, вследствие этого при исследовании наименований одежды очень важно учитывать этнографический аспект. Одежда непосредственно отражает историю народа, поэтому её плодотворно изучают историки, этнографы, археологи. В XIX веке этнографическому описанию одежды посвятили свои труды Н. Костомаров, А. Терещенко, А. Киркор, П. Шпилевский и др., в XX веке исследованием одежды занимались Б. Куфтин, Н. Лебедева, М. Е. Романов, П. Шейн, В. Бондарчик, Г. Маслова, Л. Молчанова и др. Большинство наименований одежды составляют значительную часть этнографической лексики, нашедшей детальное описание в трудах этнографов. Появившиеся в последние годы публикации лингвистов отражают некоторые особенности лексики, связанной с одеждой, в современных севернорусских говорах (В. Г. Долгушев, О. Н. Крылова и др.), в среднерусских диалектных группах (А. Ф. Войтенко, З. В. Жуковская, З. А. Петрова, Т. А. Пецкая), в южнорусских диалектах (О. Г. Борисова, В. Н. Гришанова, Л. Ю. Евтихьева, Л. К. Лыжова, М. В. Концова, Е. П. Осипова, Е. С. Обухова и др.).

Русские островные говоры юга Украины — Одесской области — в этом отношении мало изучены, хотя собран достаточно большой лексический материал, нашедший лексикографическое отражение в двухтомном «Словаре русских говоров Одесщины», изданном в 2000—2001 гг. при спонсорской поддержке японского профессора-лингвиста Сусумо Уэмуры.

Данная статья посвящена описанию общих названий и наименований женской одежды семантического поля «Одежда» в островных старообрядческих говорах Придунавья. Теория семантического поля, активно развивающаяся в XX веке, связана с именами таких крупных учёных, как А. Ф. Лосев, Ю. Н. Караулов, С. М. Прохорова, С. М. Щур и др. Профессор С. М. Прохорова отмечает, что «любое поле характеризуется наличием центра и периферии, соприкосновением и взаимодействием периферий смежных полей и разной степенью сцепления компонентов поля» [14: 18].

Исследуемое нами поле «Одежда» имеет центр и периферию. В центре находятся такие лексемы, как *одежда*, *одежа*, *убо'р*, *наря'д* и др., которые являются обобщающими словами, обозначающими мужскую, женскую и общую для мужчины и женщины одежду. На общее де-

ление поля накладываются микрополя, отражающие гендерный аспект: 1) общая для мужчин и женщин одежда; 2) женская одежда; 3) мужская одежда. Важными параметрами для выделения микрополей в пределах семантического поля «Одежда» являются оппозиции верхняя одежда — нижняя одежда, покрой, вид и качество ткани, из которой шьётся одежда.

Рассмотрим общие, обобщающие наименования одежды в говорах липован Придунавья. Это прежде всего слово *одежда* (старославянский вариант), употребляемый наряду с исконно русским *одёжа*, а также *одея'нье*, *обря'д*, *убо'р*, *наря'д*, *о'дяг*, отличающиеся друг от друга оттенками значений, коннотацией, сферой употребления. Наиболее распространено в исследуемых говорах слово *одёжа*; лексемы *обря'д*, *убо'р*, *наря'д* употребляются, как правило, в речи представителей старшего поколения, причём *обря'д* обозначает всякую одежду вообще, а *убо'р* — нарядную, чистую, хорошую одежду (преимущественно женскую): *Адёжу всю пананасили. Красивый у ней убор был. Адёжу шыла партная. Адежда стала типерь лучше*. Характерно, что подобная дифференциация общих наименований одежды свойственна и говорам материкового южнорусского диалектного массива [5: 108—109; 12: 142—143].

Займствованное из украинского языка *о'дяг* на русской почве сузило свою семантику, стало обозначать не всякую одежду вообще, а только готовую одежду фабричного производства.

Семема 'старая, плохая одежда' в русских островных говорах передаётся эмоционально-экспрессивными апеллятивами *тряп'ё*, *лохмо'тья*, *рван'ё*, *барахло'*, *луб'ё*, *гу'ни*, *ла'хи*, *вер'т'ье*. *Вир'т'ья — и настилка, и стар'ё*, *барахло усякая, драная адёжа*. Слово *вер'т'ье* в значении 'полотнище, сшитое из грубого холста или рогожи; одежда, мешки, сшитые из них' фиксируется памятниками русской письменности с XVII века [1: 11]. Макс Фасмер считает, что слово *вер'т'ье* 'мешковина, грубая ткань' является производным от *вер'та* 'мешок из рогожи или грубого холста, грубая ткань' и проводит параллели с литовским *virtine* 'узелок, связка', *verin*, *verti* 'открывать, закрывать', греческим *αορτή* — 'мех, мешок', польским *worek* 'мешок, сумка' [22: 297]. Думается, что значение 'плохая, старая одежда' слово *вер'т'ье* получило в говорах в результате метафорического переноса по внешнему сходству: 'одежда из грубого холста' > 'плохая, старая одежда'.

Гу'ни. Только мн. — 'лохмотья, тряпки, обноски, старая, истрёпанная одежда'. (*Гу'ни — эта тряпки фсякиш, адёжа старая, парватая*.) Слово *гу'ня* — общеславянское, восходит к праславянскому *gyna / **gyn'a*, оно употребляется в восточно-, южно- и западославянских языках для обозначения разных видов ткани, одежды и т. п. Укр. *гуня*, *гуни* — 'верхняя суконная одежда'; белорус.: *гуня*, *гунька* — 'суконное лошадиное покрывало'; болгар.: *гуна*, *гуня* — обл. 'верхняя крестьянская одежда без рукавов из домотканой шерстяной материи'; сербскохорв.: *гуњ*, *гуња* — 'крестьянская куртка из грубого сукна, шерстяное одеяло'; словен.: *ginja* — 'род верхней одежды'; чешск.: *goupě* — 'попона (для лошадей)'; словац.: *hуňa* — 1) 'тулуп', 2) 'тряпка'; польск. *gunia* — 'попона, покрывало, сермяга', 'плащ из грубой материи'. В значении 'ветхая одежда' лексема *гуня* фиксируется в русских письменных памятниках с XVII в. В церковнославянском языке *гуня* 'род армяка, верхняя одежда, рубище' [13: 135].

Единого мнения об этимологии слова *гуня* (*гуни*) не существует. О. Н. Трубочёв предполагает, что слово *гуня* имеет индоевропейские корни [24: 176]. М. Фасмер же полагает, что слово *гуня* заимствовано из латинского языка (ср. лат. *gynna*) [22: 297].

В настоящее время *гу'ня* — диалектное слово во многих русских говорах. В словаре под ред. Д. Н. Ушакова слово *гу'нька* — 'старая, истрёпанная одежда, лохмотья' сопровождается пометой *простореч. обл.* [21: 345], в «Словаре русского языка» (1981 г.) *гу'ня* — 'старая, изношенная верхняя одежда, рубище' имеет пометы *устар.*, *народно-поэт. и обл.* [16, 2: 357]; в «Словаре современного русского литературного языка» в 17 томах — *гу'ня* в этом же значении снабжена пометами *устар.* и *обл.* [17, 2: 486].

В ряде русских говоров слово *гу'ня* функционирует в единственном числе и во множественном — *гу'ни*. Только в форме мн. числа лексема *гуни* употребляется в воронежских, донских, ростовских, рязанских, самарских, вологодских и владимирских говорах [18, 7: 235].

Луб'ё и *лу'бе* 'старые, ненужные вещи'. *Луб'ё можна сказать на старые вещи, никаму не нужны*. В Старой Некрасовке *луб'ё* зафиксировано также в переносном, метафорическом значении 'немогущий человек': *Я уже луб'ё старая*. У Даля находим: *Луб'ё* 'что-либо залубенное, заскорузлое' [3, Т. II: 270]. В говорах русских старообрядцев Одесской области слово *луб'ё*, *лу'бе* сузило свою первоначальную семантику, стало употребляться в более конкретном значении — 'старые вещи', в речи жителей Старой Некрасовки оно получило дополнительное метафорическое значение: *лу'бе* употребляется не только в прямом значении 'старые вещи', но и в переносном, эмоционально-экспрессивном — 'старый, немогущий человек'.

В словарном составе старообрядческих говоров Одесской области до сих пор удерживаются старинные южнорусские названия женской одежды, обуви, головных уборов. Очевидно, немаловажную роль в этом сыграло бережное отношение липован к своей традиционной духовной и материальной культуре. Память о старинном типе одежды и обуви жива до сих пор. Старинный женский наряд южнорусского типа используется на свадьбах, гуляньях, концертах художе-

ственной самодеятельности. Все записанные нами южнорусские слова, обозначающие различные виды старинной женской одежды, обуви, головных уборов, употребляются в речи старообрядцев Придунавья с первоначальной семантикой.

Рассмотрим наименования верхней тёплой женской одежды. В русских сёлах Одесской области женщины носили и нередко носят и сейчас *куфа'йки, куфя'йки, кухва'йки*. Зимой *куфайки* *насили*. *Кухвайка* была *стёганая, длинная*. В СРНГ слово *куфа'йка* зафиксировано в значении 'фуфайка' и 'тёплая женская безрукавка' (18, 16: 180) и снабжено территориальными пометами *тульское, пензенское, калужское, воронежское, смоленское, тамбовское*. У Даля *куфайка* — 'род женской куртки, коротайки, фуфайки' [3, II: 228] имеет помету *нвг*. Исконно южнорусским в исследуемых старообрядческих говорах является слово *поддёвка* 'верхняя женская одежда в виде короткого полупальто с мелкими оборками сзади'. (*Паддёвка у мене была красивая, плисовая, с аборками*. Слово имеет прозрачную внутреннюю форму: *поддёвка* — то, что поддевали под какую-либо верхнюю одежду. Именно такое толкование этого слова находим в Далевом словаре — 'полукафтанье или безрукавный кафтанчик, поддеваемый под верхний кафтан' [3, III: 171].

Для наименования тёплого женского пальто в исследуемых говорах употребляется слово *сак* (от франц. *sac* 'мешок') и его дериват *сачо'к* (*Сак носят, када схалада ит. Сачки насили бра'виньким. Сак — длинна пальто, длинна*), известные на всей русской территории, а также местные образования от *сак*: *полтуса'к, полтиса'к, пальтиса'к*.

Старообрядцы употребляют слово *сак* для наименования длинного тёплого женского пальто. (*Сак у мене был длинный, на во'льне, харошый, тёплый* (Вас.). В современном русском литературном языке это слово обозначает верхнюю женскую одежду типа полупальто свободного покроя [17, 13: 56]. Полупальто липоване называют *палтиса'к, полтиса'к, полтуса'к*. (*Раньшы насили палтусак, широкая пальто бис пугавиц. Зимой жынки дитей ф пальтисак укутували, када в уости хадили*).

В русских сёлах Одесской области и сейчас старые женщины носят *бурму'з*. Это вид длинного тёплого пальто без застёжки, с расширенными книзу полукруглыми полами. (*Бурму'зы и сичас бакки носять. Раньшы все в бурму'зах хадили. Бурму'зы были на во'льне*). Диалектное *бурму'з* восходит к слову арабского происхождения *бурнус* (фр. *bournois* < араб. *burnus* 'широкий плащ'). А. В. Миртов включает *бурнус* 'пальто женское, с расшивкой' в свой «Донской словарь» [10: 32]. Производными от *бурму'з* в исследуемых липованских говорах являются *бурму'зик* и *полбурму'зик* 'тёплая зимняя женская одежда без застёжки, до бёдер' (*Шыли палбурму'зики тёплы на во'льне. Палбурму'зики типерича ни носят*). Эти слова в приведенном значении встречаем в «Записках о старом и новом быте» К. А. Авдеевой: «Зимой надевают коротенькую шубу (полбурмузик) или длинную (бурмузик), смотря по погоде» [1: 58].

В старообрядческих селениях Одесской области, основанных потомками донских казаков-некрасовцев, в рассказах о прошлом упоминается слово *шубка* (ласк. *шубочка*) для обозначения старинного широкополого сарафана. *Женщины насилили шубки на проймах с пазухай. Пазуха у шупки на учку'рику. Насилили шупки широ'ки на проймах. На шупку двинаццать аришин материи шло. Фе насилили шупки с аборками*. У А. С. Машкина находим: «Шубка — старинная русская одежда в роде сарафана, украшенная металлическими пуговицами от груди до подола в один ряд» [7: 50]. В этнографическом очерке «Об одежде и уборах женщин Курской губернии» читаем: «В Курске называют сарафан шубкою; в старину шубки делали стеганные на подкладке, а нарядные — из парчи, штофа, атласа травчатого и из тонкого сукна; обшивали их золотым или серебряным позументом» [8: 331]. Уже в 50—60-х гг. XIX в. *шубка* в Обоянском уезде считалась старинной одеждой. А. С. Машкин отмечает: «Во многих селениях некоторые пожилые женщины носят еще шубки в роде сарафанов, из волосени и суконные черного и темно-синего цвета, украшенные так же, как сарафаны и сукни, металлическими пуговицами; шубки считаются здесь самой старинной одеждой» [7: 11]. В XIX веке слово *шубка* было распространено в речи крестьян Курской, Орловской и Тульской губерний [6: 638]. В. Даль включает в свой словарь лексему *шубка* с локальной пометой *Кур.* в значении 'сарафан раскольниц с пуговицами водноряд' [3, IV: 647].

По мнению Ю. П. Чумаковой, слово *шубка* было образовано на основе уменьшительно-ласкательной формы к слову *шуба*. В XVII веке оно подверглось лексикализации и стало употребляться для обозначения особого вида женской одежды. Первоначально *шубки* изготавливались из плотных, тяжелых тканей, чем и объяснялась связь со словом *шуба*. В дальнейшем с изменением в покрое и материале этого предмета женской одежды название полностью деэтимологизировалось [23].

Верхняя часть старинной женской рубахи с отрезным подолом называлась у липован *че'хлик*. *Че'хлик к падста'вушки пришивался*. Слово *че'хлик* восходит к древнеславянскому *чехль*, которое, как указывает Л. Нидерле, в глубокой древности у славян обозначало верхнюю часть одежды [11: 229]. По данным Э. В. Рубцовой, *ше'хлик / ше'флик / че'хлик*, 'лиф' упоминают в рассказах о прошлом некрасовцы Москвы и Ставрополя [15: 104].

Для наименования передней верхней части сарафана (шубки), рубахи до талии употребляются в речи липован Придунавья слова *па'зух*, *па'зушка*, *па'зуха* (*Жэніцины насили шупку на проймах с пазухай. Шупку шыли с пазухам. Пазух у ниеь больна красивай — сама вышивала.* В «Словаре русских народных говоров» слово *пазух* в значении 'перёд (грудь) рубашки, сарафана' сопровождается территориальными пометами *рязанское, калужское, тамбовское, псковское* [18, 25: 148].

В русских говорах Одесщины в пассивном словаре сохраняются названия частей старинной длинной рубахи: *ста'н*, *ста'нушка* и *подста'вка*, *подста'вушка*. *Ста'н*, *ста'нушка* — верхняя часть женской рубашки, *подста'вка*, *подста'вушка* — нижняя её часть. У *рубахи стан был, а ат пояса патстава. К рубашки пришивали патставушку.* В словаре Даля *подставка* рубахи, *подстава* — 'исподняя часть от пояса, из более грубого холста' [3, III: 205]. О неодинаковом значении *ста'н*, *стануха* сообщают этнографы: «У южных великороссов станом, станушкой обычно называется верхняя часть рубахи (составленной из двух частей), а нижняя — подставкой, у северных великороссов — наоборот, станом чаще называется нижняя часть, а верхняя — рукавами воротушкой» [6: 602].

Для наименования старинного глухого тёмного платья русские употребляют заимствованное у соседей-болгар слово *ро'кля* (*ро'ття*). *Ро'ття* — *старынская платя, болгары насили ро'ттю.* Слово *ро'кля*, *ро'ття* бытует в речи представителей старшего поколения, причём, как правило, в рассказах о прошлом или о болгарах. В русских говорах болгарское *ро'кля* сузило, конкретизировало своё значение (ср. болг. *рокле* 'всякое женское платье вообще', в русских говорах *ро'кля*, *ро'ття* 'платье особого покроя, строгое, глухое. Обычно тёмного цвета'). Н. С. Державин отмечает наличие платья с лифом без рукавов (рокла) в болгарских говорах Таврической, Херсонской и Бессарабской губерний России [4: 85—90].

В исследуемых старообрядческих говорах встречается несколько наименований юбок: *панёва*, *кума'ч*, *лени'чка*, *подиспо'дник*, *спидни'ца*, *сподни'ца*. Из них только *панёва* 'женская клетчатая или полосатая юбка' фиксируется в словарях. Даль отмечает распространение *панёвы* «женской клетчатой или полосатой западной юбки в губерниях акающих: *пен., тмб., вор., частью кур., орл.* » [3, III: 15]. *Кума'ч*, *лени'чка*, *подиспо'дник* являются узколокальными образованиями. *Кума'ч* 'нижняя юбка' и *лени'чка* 'юбка из льняного полотна' мотивированы наименованиями ткани, из которой сшиты. *Кумач* — 'простая бумажная ткань, обычно алого, иногда синего цвета на сарафаны' [3, II: 217]. *Лени'чка* — шьётся из льна. Лексемы *кума'ч* и *лени'чка* бытуют лишь в речи старшего поколения. Слова *сподни'ца*, *сподни'чка*, *подиспо'дник* — 'нижняя женская юбка' употребляются довольно широко. Внутренняя форма этих слов весьма прозрачна. А *над юпку адивали спадни'цу. Носили над юпкой спидни'чки.* Лексема *спидни'ца* 'юбка' проникла в русские говоры из соседних украинских. У мене была *бра'ва спидни'ца.* Поверх юбки издавна повязывался *передник (фартук)*, состоящий из одного или двух сшитых полотнищ — *по'лок*. Передник генетически связан с древней поясной одеждой, представлявшей собой одно или несколько полотнищ (*по'лок*), которые обёртывались вокруг бёдер и прикреплялись поясом. Слово *фа'ртук* упоминается в русских текстах с 1663 г.; в польском языке это слово известно с 1498 г. Лексема *фа'ртук* в значении 'передник' зафиксирована первоначально в западнорусских текстах. Этимологи считают, что слово *фа'ртук* заимствовано из немецкого языка через посредство польского (польск. *Fartuch* < нововерхненем. *Vortuch* 'передник'). В старообрядческих говорах Одесской области наряду с лексемой *фа'ртук* употребляется южнорусский фонетический вариант *хва'ртух*. Синонимом к слову *фа'ртух (хва'ртух)* в исследуемых старообрядческих говорах выступает *за'пон*, отличающийся большей частотностью употребления. *Пиредник у нас за пан называют. Была у мене кохтатка с кружавами и запан выгладиный.* У Даля слово *запон* зафиксировано в этом же значении с локальными пометами *нгв., сиб., кал., орл.* [3, I: 615]. Вероятно, *за'пон* является дериватом от *запинать*.

Особый синонимический ряд в русских говорах Одесской области составляют диалектные названия кофты. В логико-понятийном отношении эту микрогруппу организуют семемные оппозиции «вид ткани» — «вид покроя» — «способ изготовления» — «предназначение»: *бабе'йка*, *бабе'шка* 'женская блузка с лифом в мелкие складочки-защипы', *ба'ска* 'короткая, в талию, женская кофта', *вя'занка*, *вя'заночка* 'вязаная кофта, обычно из шерстяных ниток', *плетёнка* 'вязаная кофта, то же что вязёнка' (*Плетёнка — вязаная кофта, плитёнку сами плели*), *бати'стовочка* 'блузочка из батиста', *бумазе'йка* 'лёгкая женская кофта из бумазеи' (У Даля *бумазе'я* 'бумажная ворсистая ткань' [3, I: 141], *разлета'йка* 'лёгкая широкая женская кофта до бёдер' (*Разлитайки, кохтатки шырокии и сийчас бабы носят и дефки.*), *ли'фик* 'летняя кофта без рукавов' (*Летам мы любили лифик адивать: лежка, ни жарка.*). Все эти наименования, за исключением слова *ба'ска*, которое фиксируется как в севернорусских, так и в южнорусских говорах [18, 2: 131], и *разлета'йка* [3, IV: 32], являются узколокальными. Они свидетельствуют о развитии лексики островных говоров за счёт своих, исконных, диалектных ресурсов, как словообразовательных, так и семантических. Показательно, что слово *ба'ска*,

помимо значения ‘женская кофта’, в старообрядческих говорах Одесской области Придунавья развило ряд других ЛСВ: ‘детская рубашка’ (*Есть децкии баски.*), ‘четырёхугольный женский платок’ (*Баски на ралаве носят бабы.*), ‘мужская маленькая шапочка в виде тюбетейки’ (*Баску мужык на ралаве носить ат сонца.*).

Широко распространено в русских говорах Одесской области уменьшительно-ласкательное образование от *ба'ска* — *ба'сочка* в значении ‘женская блузочка’ (*Все бабы у басачках.*), а также в значении ‘мужская маленькая шапочка’: *Ваня, адень басачку, а то ралаву' напекеш.* Как видно из примеров, в одной и той же частной лексико-семантической системе одного говора, длительное время функционирующего в отрыве от основного языкового и диалектного массива, возможно развитие нескольких новых значений у исконно русских лексем. Причём процесс возникновения инноваций, как словообразовательных, так и семантических, в русских островных говорах проходит очень активно, в качестве исходного материала выступают не только исконно русские слова, но и заимствованные.

Наблюдения показывают, что диалектные значения у литературного слова обычно возникают в говорах на базе общеизвестного значения, зачастую по принципу метафоризации или метонимии, и сосуществуют вместе с ним. Так рождаются диалектные семантические экспрессивы с ярко выраженной коннотацией. Примером метонимических местных инноваций могут служить слова *ба'ска* в значении ‘кофта’, *ли'фчик* — ‘кофта без рукавов’, *жаке'т* (жукет) — ‘костюм’, *бахрома'*, *махры'* — ‘платок с кистями’, *клеёнка* — ‘плащ’ и др. Примером диалектных экспрессивов, возникших в результате метафоризации, являются записанные в речи старообрядцев Придунавья слова: *бара'шки* — ‘волнистые украшения на женском платье’, *грибы'* (*грибы*) — ‘круглые волнистые оборки на платье, по внешнему виду напоминающие грибы волнушки’, *ды'мка* ‘кружево’, *тру'бы* ‘штанины’ и др.

Ряд литературных слов в русских говорах Одесской области имеют лишь общее звучание с соответствующими диалектными и выступают по отношению к ним как омонимы. *Шу'бка* — ‘уменьш. к *шуба*: короткая и лёгкая шуба (обычно женская или детская)’, в исследуемых говорах — ‘старинный женский сарафан’. *Груди'нка* — ‘мясо из грудной части туши’, в говорах — ‘верхняя часть женского фартука’. *Плю'шка* — ‘небольшая сдобная булочка обычно плоской формы’, в говорах — ‘женское полупальто из плюша’.

Анализ наименований женской одежды в русских старообрядческих говорах Подунавья показывает, что лексико-семантическая система русских говоров, функционирующих в полиязычном окружении, весьма динамична. Уходят вместе со старыми реалиями многие слова, появляются в результате заимствования из русского литературного языка и соседних языков и говоров новые. Происходят всевозможные изменения диалектизмов, формальные и семантические, следствием чего является богатая вариативность в названиях женской одежды. Возникают многочисленные ряды синонимов, омонимов, появляются новые значения у общеизвестных, диалектных и заимствованных слов, в результате в островных говорах образуются полисемантические слова. На базе литературных, диалектных и заимствованных слов рождаются многочисленные инновации, локальные образования, как правило, эмоционально-экспрессивные. Всё это свидетельствует о жизненности, динамике лексико-семантической системы русских старообрядческих говоров, более двухсот лет функционирующих в полиязычном окружении.

1. Авдеева К. А. Записки о старом и новом русском быте. — СПб., 1842.
2. Брагина А. А. Лексика языка и культура страны. — М.: Русский язык, 1986.
3. Даль В. И. Токовый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — М.: Русский язык, 1979.
4. Державин Н. С. Болгарскія колоніи в Россіи (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губерніи) // Материалы по славянской этнографии. — София, 1914.
5. Лыжова Л. К. Лексико-семантическая характеристика группы слов со значением «одежда», «одеваться» в народных говорах // Материалы по русско-славянскому языкознанию. — Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1978.
6. Маслова Г. С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX века // Восточнославянский этнографический сборник. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. — М.: АН СССР, 1956. — Т. XXXI.
7. Маишкин А. С. Обычай и обряды простонародья в городе Обояни // Труды Курского статистического комитета. — Курск, 1863. — Вып. 1.
8. Маишкин А. С. Об одежде и уборах женщин Курской губернии // Курские губернские ведомости. — 1853. — № 34.
9. Маишкин А. С. Быт крестьян Курской губернии Обоянского уезда // Этнографический сборник. — СПб., 1862. — Вып. V.
10. Миртов А. В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. — Ростов-на-Дону, 1929.
11. Нидерле Л. Славянские древности. — М., 1956.
12. Обухова Е. С. Названия одежды в селе Старая Чигла Аннинского района Воронежской области // Актуальные проблемы русской диалектологии: Тезисы докладов Междунар. конф. 23—25 окт. 2006 г. — М., 2006.
13. Полный церковно-славянский словарь / Сост. протоиерей Г. Дьяченко. — М., 2002.
14. Прохорова С. М. Синтаксис переходной русско-белорусской зоны: ареально-типологическое исследование. — Минск: Изд-во БГУ, 1991.
15. Рубцова З. В. Одежда казачек-некрасовок // История и география русских старообрядческих говоров. — М., 1995.

ПИТАННЯ ІСТОРІЇ МОВИ ТА ДІАЛЕКТОЛОГІЇ

---

16. *Словарь русского языка*: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Русский язык, 1980—1984.
17. *Словарь современного русского литературного языка*: в 17 т. — М.-Л., 1950—1965.
18. *Словарь русских народных говоров* / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. — М.; Л.; СПб.: Наука, 1965—2003.
19. *Словарь русского языка XI—XVII вв.* — М.: Наука, 1975. — Вып. 2.
20. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3 т. — СПб., 1893.
21. *Толковый словарь русского языка*: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. — М., 1935—1940. — Т. 1.
22. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. — М., 1964. — Т. 1.
23. *Чумакова Ю. П.* Об изменениях семантики в словаре одежды // Ученые записки Горьковского университета им. Н. И. Лобачевского. — Вып. 68. — Вопросы теории и вузовского преподавания русского языка. — Горький, 1964.
24. *Этимологический словарь славянских языков* / Под. ред. О. Н. Трубачёва. — М., 1976. — Вып. 4.

Л. Ф. Баранник

ТРАДИЦІЙНА ПІВДЕННОРОСІЙСЬКА ЛЕКСИКА ПРИДУНАЙСЬКИХ СТАРООБРЯДСЬКИХ ГОВІРОК ОДЕСЬКОЇ ОБЛАСТІ

У статті аналізується традиційна південноросійська лексика старообрядських говірок Придунав'я, визначається її семантика, етимологія, «материнська» територіальна приналежність.

Ключові слова: російська діалектна лексика, острівні старообрядські говірки, діалектні лексичні архаїзми.

L. F. Barannik

TRADITIONAL SOUTH RUSSIAN VOCABULARY OF BOTTOM DANUBE OLD BELIEVER SUBDIALECTS IN ODESSA REGION

The author analyses traditional southern vocabulary of the Russian Old Believers living in estuary of the Danube river. The dialects' semantics, etymology and "maternal" territorial belongings are examined in the article.

Key words: Russian dialect vocabulary, island Old Believers' dialects, dialect lexical archaism.